

Наталья Александрова

Танцующая со смертью

Издательство АСТ
МОСКВА

— Видеть тебя больше не хочу! — Девушка выплеснула бокал красного вина в лицо своему спутнику, вскочила из-за стола и бросилась к выходу. Правда, сделав несколько шагов, не удержалась от соблазна и оглянулась, чтобы увидеть, как он, с перекосенным от ярости лицом, пытается оттереть вино с дорогущего пиджака.

От этого зрелища ей немного полегчало, но совсем немного и ненадолго.

Она сунула гардеробщику номерок, неловко влезла в пальто, вышла на улицу и только там дала волю душившим ее слезам.

На этого козла она угробила целых два года своей жизни!

Целых два года!

Два года она угождала ему, угадывала его желания... два года пыталась превратить его в человека... и вот как он отплатил ей! Завел интрижку с ее лучшей подругой!

Она с трудом справилась со слезами, вытерла глаза и огляделась в поисках такси.

Улица была пуста.

Вдруг за спиной у нее послышались приближающиеся шаги, и незнакомый голос проговорил:

— Он того не стоит!

— Что?

Девушка оглянулась, увидела высокого мужчину лет сорока, с темными глубокими глазами и седой прядью, пересекающей черные волосы, как след сабельного удара.

— Что? — повторила она удивленно.

— Он того не стоит.

Брюнет подошел ближе, взглянул на нее пристально, и от этого взгляда у нее закружилась голова, как будто она оказалась на краю пропасти.

— Жизнь не кончилась, — продолжил брюнет, не сводя с нее гипнотического взгляда. — Вы молоды и красивы, вас могут ждать впереди самые необычайные встречи, самые удивительные события. А он... он ничтожный, жалкий, самовлюбленный тип. Он не стоит и одной вашей слезинки.

— Кто вы? — удивленно спросила девушка, не в силах отвести взгляд от таинственного незнакомца. — Откуда вы знаете...

Поразительно: незнакомец прочитал ее мысли, всю жизнь, как открытую книгу... Она хотела спросить, как ему это удалось, но не договорила, внезапно смутившись: представила, как выглядит сейчас со стороны — со смазанной косметикой, распухшим от слез носом, дрожащими губами...

— Кто я — совсем неважно, — проговорил брюнет и легко дотронулся до ее руки. — Важно, кто вы...

От этого мимолетного прикосновения по ее телу пробежала судорога, словно от электрического разряда.

— Вы достойны лучшего, — говорил он. — Вы достойны самой замечательной судьбы...

Девушка почувствовала, что ноги ее слабеют, они стали ватными, еще немного — и она упадет.

— Вы устали, — проговорил незнакомец мягким, но в то же время убедительным голосом. — Вам нужно выспаться. А завтра вы проснетесь совсем другим человеком... Куда вас отвезти?

— Домой... — ответила она едва слышно, заплетающимся языком.

— Домой, — повторил незнакомец, властно и уверенно подхватил ее под руку и повел к большой темной машине.

— До... домой... — неуверенно повторила девушка.

В глубине души она понимала, что делает что-то неправильное.

Садиться в машину к человеку, которого видишь первый раз в жизни... это неправильно, это опасно и недопустимо.

Но у нее не было ни сил, ни желания сопротивляться ему, сопротивляться этому мягкому, убедительному, властному голосу.

Она сделала несколько шагов, села на пассажирское сиденье и закрыла глаза. Машина тронулась, заскользила по пустынным улицам ночного города. Девушке стало хорошо и спокойно, как будто она, наконец, оказалась дома. Не в жалкой, неприбранной съемной квартирке, а Дома, в том Доме, о котором мечтает каждый из нас...

Перед ее глазами поплыли яркие, радостные картины — широко распахнутое в сад окно... цветущая яблоня... красные ягоды земляники в густой траве...

Дальше картины смешались, образы стали неразличимыми, странными, незнакомыми. Среди

них замелькали какие-то смуглые люди. Эти люди улыбались, танцевали, бросали ей яркие тропические цветы, пели на незнакомом, странном языке...

Вдруг девушка проснулась.

Машина стояла, мотор был выключен.

— Мы... мы приехали? — спросила она, оглядываясь.

— Мы приехали, — подтвердил незнакомец своим мягким, обволакивающим голосом.

— Но это... это не мой дом... — пробормотала девушка, выглядывая в окно.

Машина стояла на пустыре, рядом с двухэтажным заброшенным домом. Вокруг была глухая, тяжелая, давящая темнота.

— Где... где мы? — прошептала девушка, и в душе у нее шевельнулся страх, он начал разрастаться, как снежный ком.

Она взглянула на незнакомца.

Он смотрел на нее пристально, и в глубине его темных глаз сверкали багровые искры, как отсвет далекого пожара.

— Где мы? — повторила девушка едва слышно. — Кто вы? Чего вы хотите?

— Ты хотела вернуться домой, — проговорил незнакомец мягко, почти нежно. — И я помогу тебе. Скоро, совсем скоро ты вернешься... вернешься в наш общий прекрасный дом, вернешься к нашей Великой Матери...

Девушка хотела сказать ему, что ненавидит свою мать и вовсе не хочет к ней возвращаться — но эти жалкие слова застряли у нее в гортани, как рыба кость.

Она не могла отвести взгляд от страшного незнакомца.

А багровые искры в его глазах становились все ярче и ярче, как будто отраженный в них пожар приближался.

— Не бойся, дитя мое, — проговорил он тихо. — Тебе не будет больно. Ты заснешь — и проснешься совсем другим человеком, как я тебе и обещал. Новая жизнь будет ярче и интереснее, чем нынешняя... ты будешь благодарна мне...

— Отпустите меня... — пролепетала девушка непослушными губами. — Пощадите меня, прошу вас...

— Ты сама не знаешь, о чем просишь. — Рот незнакомца недовольно скривился. — Я оказываю тебе огромную услугу... великую честь. Ты должна радоваться и ликовать...

С этими словами незнакомец вытащил из кармана яркий шелковый платок. На мгновение он расправил его, и девушка увидела удивительный узор — языки багрового пламени, а среди них — танцующую обнаженную женщину.

Женщина эта была ужасна.

У нее были темно-синяя кожа, четыре руки и ярко-красный высунутый язык. Шею обвивало ожерелье из человеческих черепов. На талии был пояс из отрубленных рук. По подбородку и груди этой страшной женщины стекала густая кровь, как будто она только что завершила кровавую трапезу.

Но незнакомец уже сложил платок вдвое... вчетверо... Он взмахнул им — и тот живой змеей обвился вокруг шеи девушки, стянул ее...

Мужчина схватил сложенный платок за концы и потянул их в разные стороны.

Платок стягивал шею все туже и туже...

Девушка хотела закричать, хотела позвать на помощь — но не могла издать ни звука, она только бессильно, мучительно хрипела, глаза ее вылезали из орбит.

Она все еще видела взгляд своего убийцы. Багровые отсветы разгорелись живым яростным пламенем, он жадно смотрел на умирающую девушку, как будто впитывая в себя остатки ее жизни.

А потом все померкло и наступила великая тьма.

Мужчина еще несколько минут смотрел на мертвую девушку, словно не мог оторваться от этого зрелища, словно хотел запомнить его навсегда. Затем он открыл дверцу машины, обошел ее и бережно поднял мертвое тело.

С этим телом на руках он направился к пустующему дому, вошел внутрь.

Там было еще темнее, чем снаружи, — но мужчина уверенно шагал, будто видел в темноте, как кошка, — или будто багровые искры в его глазах озаряли темноту.

Пройдя первую комнату, он вошел во вторую.

Посреди нее стояло старинное кресло со сломанными подлокотниками и испортой обивкой.

Мужчина усадил мертвую девушку в кресло, придал ей гордую, внушительную позу. Затем набросил на ее лицо шелковый платок и отступил немного назад, словно любясь делом своих рук. В комнате было темно, как в желудке кита, но он видел мертвую внутренним взором.

Убедившись, что все сделано как следует, он быстрым, решительным шагом вышел на улицу.

Звонок в дверь раздался, как всегда, некстати — Женя только вышла из душа. Ну, кого еще принесло в такую рань, да еще в воскресенье? Не иначе соседка за солью или за сахаром.

Нахальная баба эта Лариска, но не скажешь же ей об этом в лицо. Может, не открывать?

Нельзя, она всегда в курсе, дома Женя или нет. Говорит, что между их квартирами очень тонкая стенка и все ей слышно — как дверь входная открывается, как вода льется, как дверца шкафа скрипит. Так что она всегда знает, дома Женя или нет.

И вот что странно — Женя-то ничего не слышит через стенку, она понятия не имеет, что и как в квартире у Лариски стучит или скрипит. Она вообще никогда в жизни у нее в квартире не была, не тянет ее к соседке в гости.

Звонок все трезвонил, Женя поняла, что Лариска просто так не отвяжется, придется открыть. Опять, что ли, сахар кончился? Или кофе захотелось? У тебя, говорит, хороший, индийский... Подарить ей, что ли, на ближайший праздник кофе? Не поможет, все равно к Жене таскаться станет.

Она накинула на голое тело халат, замотала голову полотенцем и открыла дверь, не спрашивая.

И остолбенела. Потому что на пороге стояла вовсе не соседка, а совершенно незнакомая девица. Да еще в таком виде...

На ней были короткая жилетка из розового искусственного меха, очень узкие джинсы, сплошь расшитые стразами, и сапоги на огромных каб-

луках. Волосы буквально стояли дыбом, до того обильно были политы лаком. Глаза подведены черными стрелками до висков, губы густо намазаны малиновой помадой. Вдобавок от девицы несло жуткими духами.

Женя даже зажмурилась на мгновение и потрясла головой, думая, что у нее начались глюки. Ну, это неудивительно — спала сегодня плохо, под утро только уснула, и душ не помог проснуться — вот и привиделось. Надо бы кофе выпить...

Подумав о кофе, она вспомнила навязчивую соседку. И, убедившись, что перед ней вовсе не Лариска, спросила, кто такая неожиданная визитерша. Точнее, только собиралась спросить. Не успела Женя раскрыть рот, как девица всплеснула руками и заорала на всю лестницу:

— Женька, привет! Это же я!

Так. Что-то смутно забрезжило в Жениной непроснувшейся голове. Девица знает, как ее зовут, стало быть, знакомая. Но Женя готова поклясться, что в жизни ее не видела. Ну не может у нее быть таких знакомых! Это же ужас что такое!

И эти духи, это же просто средство массового поражения, а не духи! У нее весной и так аллергия на цветение, оттого и спала плохо, пришлось все форточки закрыть.

Значит... в мозгу всплыло смутное воспоминание... что-то такое было на телефоне... господи, да что же это такое, совершенно голова не работает! Наверно, это от таблеток, она ведь пьет лекарства от аллергии. Правда, они ничуть не помогают, только голова от них чугунная становится.

— Да я же Кристина, сестра твоя!

Девушка шагнула через порог, отчего на Женю обрушился запах жутких духов. Она пыталась отступить и задержать дыхание, но ничего не помогало. В носу защипало, и Женя оглушительно чихнула.

Полотенце раскрутилось и упало на пол, халат тоже распахнулся. Однако от чиха в голове малость прояснилось, и Женя обрела способность соображать.

И правда, мама звонила дня три назад и спрашивала, не может ли Женя приютить на несколько дней их дальнюю родственницу, дочку тети Вали. Женя не помнила ни тетю Валу, ни тем более ее дочку Кристину, но согласилась, потому что мама была довольно настойчива. Теперь, дескать, у тебя места много, живешь одна в двухкомнатной квартире, так что можешь гостей принять.

Пришлось согласиться.

— Я думала, что ты еще не скоро приедешь, — сказала Женя, отступая в прихожую.

— А чего тянуть? — весело захохотала Кристина. — Самолеты летают — и вот я тут!

— Да заходи же, а то дует с лестницы!

Женя заторопилась, потому что халат противно холодил мокрое тело и Ларискина дверь начала приоткрываться. Сейчас начнутся расспросы, потом она попросится на кофе, в результате полдня пройдет. А там и конец выходному, а он у Жени один, и так повезло, что на воскресенье выпало.

— Ой, у меня же вещи внизу! — заорала Кристина. — Слушай, дай пятьсот рублей, у меня денег на такси не хватает. У вас цены заоблачные, просто ужас какой-то!